

«МЫ ПРОЛЕТЕЛИ НА ВЕРТОЛТЕТЕ НАД РАЗРУШЕННЫМ РЕАКТОРОМ, И Я УВИДЕЛ РАСПЛАВЛЕННУЮ БАГРОВУЮ МАССУ – КАК МЕТАЛЛ В ДОМЕННОЙ ПЕЧИ»

Игорь ОСИПЧУК
«ФАКТЫ»

Валерий Евтушенко отправился в полет над разрушенным реактором ЧАЭС в повседневной милицмейской форме

На следующий день после аварии на ЧАЭС фотографии разрушенного реактора сделал с воздуха эксперт-криминалист Валерий Евтушенко

Таким Евгений Евтушенко увидел и сфотографировал взорвавшийся реактор на следующий день после аварии — 27 апреля 1986 года

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ ЕВТУШЕНКО

— Фотографировать с военного вертолета разрушенный реактор Чернобыльской АЭС мне довелось 27 апреля 1986 года — на второй день после аварии, — говорит ликвидатор аварии на ЧАЭС Валерий Евтушенко, служивший тогда старшим инспектором-криминалистом в Припяти. — На борту вертолета нас, милиционеров, было двое: старший эксперт-криминалист Виктор Лукашенко и я. Виктор разместился в ногах у пилотов и вел видеосъемку через прозрачный фонарь. А я делал фотографии через иллюминаторы.

«Прокурор сказал: «Сделайте все по правилам судебной фотографии. Считайте, что это для вас осмотр места происшествия»

— Как получилось, что эксперт-криминалисту поручили сделать с вертолета фотографии аварии?

— Обследование места происшествия, в том числе его фотофиксация, была моей прямой служебной обязанностью. Поэтому руководство выбрало для проведения этой съемки меня и коллегу из Киевской областной криминалистической лаборатории Виктора Лукашенко.

Ночью 26 апреля 1986 года к моему дому в Чернобыле (до ЧАЭС от него чуть больше 20 километров. — Авт.) примчался на машине водитель из местного райотдела милиции и сообщил, что на атомной станции случился пожар, мне следует безотлагательно ехать на это происшествие. Я был единственным экспертом-криминалистом на три района и город Припять, поэтому то и дело приходилось выезжать на происшествия в любое время суток. Так что ночной вызов 26 апреля меня особо не встревожил. Сел на свой мотороллер и поехал. Когда проезжал возле ЧАЭС, пожара там не было видно. На подъезде к городу дежурили двое сотрудников ГАИ Виктор Вишневский и Сергей Малюх. Поздоровались, и они говорят: «Игоревич, не стой здесь долго». Видимо, уже знали, что подскочил радиационный фон.

Как только прибыл в горотдел, меня вызвал начальник припятской милиции. В его кабинете уже находились генералы и полковники, приехавшие из Киева. Начальник поручил мне разыскать в оружейной комнате дозиметр, которым никто из нас пользоваться не умел. «Разберись, как он работает. Проверь, исправен или нет. Если с ним все нормально, возьми дежурную машину и замерь радиацию на всех наших постах, запиши эти данные. По выполнению доложишь». На мне была вся техника горотдела (кроме автомобилей), поэтому и выпало заняться дозиметром. Наши сотрудники были расставлены на постах вокруг ЧАЭС и возле ключевых объектов города. Мои замеры показали, что, напри-

мер, возле железнодорожного моста, где несли службу двое сотрудников ГАИ, которых я встретил ночью, уровень радиации превышал один рентген в час. Когда я доложил об этом, их сняли с поста.

Следует сказать, что я увлекался фото- и киносъемкой. На тот момент на моем счету было две документальные киноленты, созданные совместно с руководителем киностудии «Припятфильм» Михаилом Назаренко. После доклада о радиационной обстановке я взял кинокамеру и начал снимать людей, которые шли мимо нашего горотдела на рынок, коммунальную машину, поливавшую дорогу, голубей, пивших из луж, проехавший бронетранспортер... Это, возможно, единственные кадры кинохроники, сделанные в Припяти в первое утро после Чернобыльской аварии. Они сохранились и вошли в документальный фильм. Однако долго мне тогда снимать не довелось — руководство увидело, что «бездельничая» и направило охранять узел связи.

Ночевать мне пришлось в горотделе милиции. К тому времени к нам приехали много срочно командированных в Припять коллег из Киева и других городов. Каждый устраивался на ночлег, где получалось — на столах и стульях в ленинской комнате, на подоконниках, некоторые — на лавочках на улице (ночь была необычно теплой для конца апреля). Люди даже не подозревали, что находиться на улице опасно, ведь что произошло на станции, мы толком не знали. Многим командировочным не спалось, и я устроил для них премьеру своего документального фильма о том, как местная милиция тренируется разгонять... массовые пьяные драки, которые могли возникнуть после окончания так называемого месячника трезвости (ограничений на продажу спиртного).

На следующее утро около восьми часов к нам зашел прокурор Припяти Дмитрий Полищук и попросил начальника экспертного отдела Киевского областного УВД полковника Михаила Несена выделить двух экспертов-криминалистов для проведения фото- и видеосъемки места аварии на ЧАЭС.

Несен выбрал капитана милиции Виктора Лукашенко и меня (я тогда тоже был капитаном). С прокурором мы направились в горком партии, где разместилась правительственная комиссия по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Ее председатель Борис Щербина лично поставил перед нами с Виктором задачу.

— У него были конкретные пожелания по поводу съемки?

— Да. Он сказал, что нужно принять окончательное решение об эвакуации Припяти. «Проведите съемку так, чтобы была видна увязка реактора с городом. Снимите реактор отдельно, а также то, как он расположен относительно города». Один из присутствующих при этом работников прокуратуры добавил: «Сделайте все по правилам судебной фотографии. Считайте, что это для вас осмотр места происшествия». Генерал, возглавлявший подразделение военных вертолетчиков, сказал нам взять съемочную аппаратуру и идти на стадион — там ждал вертолет.

— Вам выдали защитную амуницию?

— Нет. Ее не было и у вертолетчиков. Утро было туманным, пришлось ждать, пока прояснится небо, иначе мы толком и реактор не сфотографировали бы. К тому же командира экипажа полковника Нестерова еще не было на месте. Мы с Виктором решили не терять времени зря — на «рафике» криминалистической лаборатории (за рулем был сержант милиции Александр Ласюченко) поехали снимать реактор с земли. Ведь согласно канонам криминалистики обзорная съемка производится именно так. Когда ехали, увидели метрах в двухстах рыбаков — мужчину и подростка, шедших с удочками к речке Припять. Видимо, они не осознавали опасности.

Чтобы попасть на территорию ЧАЭС, требовался пропуск. У нас его не было, поэтому остановились рядом со станцией. Я забрался на какую-то насыпь и стал делать обзорные снимки. Ребята торопили: «Хватит уже, иди в машину!»

— Страшно не было?

— Не то что страшно, а как-то тревожно, неуютно. Такое настроение навевала сама приро-

да — свинцовое, в дымке тумана, небо, казавшийся липким воздух и давящая тишина. Наверное, подобные чувства переживают водолазы на большой глубине. Когда мы вернулись на стадион к вертолету, командира экипажа еще не было. Разговорились с вертолетчиками и узнали, что они воевали в Афганистане. Их часто направляют в эпицентры аварий и катастроф. Признаться, мне хотелось спросить таких бывалых людей, насколько опасен предстоящий полет над реактором, как радиация может повлиять на организм. Но они об этом не заговаривали, а самому поднимать столь щекотливую тему было не с руки — еще подумают, что трушу.

С командиром экипажа приехали несколько человек в штатском, вероятно, ученые. Они летели вместе с нами. Поднялись в воздух около 11 утра. Как я уже говорил, Лукашенко расположился в ногах у пилотов, чтобы вести видеосъемку через прозрачный фонарь вертолета. А я перемещался от иллюминатора к иллюминатору, выбирая наиболее удачный ракурс. У меня было два фотоаппарата: в «Зените» пленка с 36-ю кадрами, в «Киеве» — широкоформатная пленка с 12-ю кадрами.

«Припять сразу отключили от междугородной связи, чтобы избежать утечки информации»

— Вертолет зависал над реактором?

— Нет. Дважды заходил по дуге на небольшой высоте. Я смотрел на реактор через видоискатель фотокамеры, стараясь, чтобы он полностью попадал в кадр. Когда совершали второй заход, я слышал, как Витя Лукашенко кричал пилотам: «Подлетите ближе, ближе!» Я в это время готовился зарядить запасную кассету с пленкой (потому что все кадры к тому времени уже закончились), глянул в иллюминатор и увидел, что находится внутри реактора — раскаленная желто-красная масса, как в мартеновской печи или в жерле вулкана. Сфотографировать ее не успел — мы полетели дальше. Полет продолжался минут 15.

После приземления Виктор сразу же направился показывать правительственной комиссии отснятый видеоматериал, а я поспешил в милицмейскую фотолaborаторию проявлять пленку и печатать фотографии. Занимаясь этой работой, услышал объявление по радио о том, что сегодня Припять будут эвакуировать.

С двумя десятками наиболее качественных снимков я поспешил в горком партии. Передал их там прокурору Полищуку. Знаю, что они были приобщены к материалам расследования причин Чернобыльской аварии. А негативы я оставил у себя и сохранил.

— Это были первые фотографии разрушенного реактора?

— Нет. Как я потом узнал, днем раньше с земли и с возду-

— Вы тогда уже знали, в каком состоянии находится аварийный реактор, какие уровни радиации в Припяти. Попытались позвонить домой в Чернобыль, чтобы предупредить об опасности?

— Такое желание не могло не возникнуть — разве я не любил своих жену и троих детей?! Но у меня дома не было телефона. К тому же, как оказалось, Припять тогда уже отключили от междугородной связи, чтобы избежать утечки информации.

— В тот день вас отпустили ночевать домой?

— Да. Часов в шесть вечера нам разрешили идти отдыхать до утра. Я пригласил Виктора Лукашенко, с которым летал на съемку реактора и еще одного коллегу Сашу Онищенко поехать ко мне помыться, поесть. В Припяти даже перекусить уже было негде. За рулем находился водитель машины криминалистической лаборатории Киевской области, имя которого, к сожалению, не запомнил. Дети уже были дома, вскоре пришла работающая в поликлинике жена Галина. Приготовили ужин, Галя сходила к соседям, принесла нам бутылку водки.

— Тогда, после двух дней, проведенных возле эпицентра аварии, чувствовали на себе воздействие радиации?

— Сложно вспомнить. Галя (Валерий Игоревич обращается к жене. — Авт.), не помнишь, жаловались мы в тот вечер на ухудшение самочувствия?

— Все четверо были перевозбуждены, это я хорошо запомнила, — ответила Галина Николаевна.

— После ужина ребята решили возвращаться ночевать в Припять, — продолжает Валерий Евтушенко. — В те времена было принято устраивать дружеские розыгрыши. Вот и надо мной ребята решили подшутить. Когда утром приехал в Припять, на моем рабочем месте в пишущей машинке торчала отпечатанная «справка» с печатью экспертно-криминалистической лаборатории: «Выдана Валерию Игоревичу Евтушенко о том, что женскую баню он посещать может».

В райотдел привезли целую гору армейских резиновых костюмов химзащиты и респираторы. Мне пришла идея снять постановочные кадры — попросил двух милиционеров облачиться в эти наряды и пройтись по улице. Когда я их снимал, в кадре появился прохожий. Оказалось, это командировочный, который по-челому-то не эвакуировался накануне. Эта съемка вошла в документальный фильм и дала повод для беспочвенных возмущений — мол, в Припяти после аварии милиционеров одели в резиновые костюмы, выдали респираторы, а гражданским ничего не выделили.

— Известно, какую дозу облучения вы получили?

— Примерно подсчитали, получилось 63 рентгена. Конечно, по здоровью это ударило крепко. Конкретизировать не буду — о болячках следует рассказывать врачам, а не журналистам. После полета над реактором я еще довольно долго служил в Зоне отчуждения. Жителей оттуда отселили, но все равно преступления совершались. В основном, это были ограбления оставленных хозяевами хат и квартир в Припяти. В общей сложности проработал в милиции 40 лет.